

что главной причиной финансового оскудения центральной власти был рост независимости отдельных областей, княжеств, городов, отказывавших «царям царей» в финансовой поддержке.

Высоко оценивая труд А. Г. Бокщанина, можно пожалеть, что полиграфическое оформление книги не отвечает ее научной ценности. Очень много опечаток не только в греческом и латинском, но и в

русском тексте. Правда, во второй части их значительно меньше, чем в первой. Отсутствуют указатели, географический и именной. Желательно было бы видеть в приложении перечень литературных источников, надписей, папирусов, монет. Вклеенная карта имеет слишком мелкий масштаб.

А. И. Немировский

«*Studies in Honor of Benno Landsberger on His Seventy-fifth Birthday, April 21, 1965*» («*Assyriological Studies*», № 16), Chicago, 1965, 448 стр.

Когда настоящий номер ВДИ был уже сверстан, пришло известие о кончине Бенно Ландсберга, 75-летию которого посвящен рецензируемый сборник. Вместе с ассириологами, представленными в сборнике, авторы рецензии отдадут дань большим научным заслугам этого крупнейшего ассириолога современности. В течение последних 40 лет Б. Ландсбергер был непререкаемым авторитетом в своей науке. Не удивительно, что на призыв принять участие в юбилейном сборнике в честь Б. Ландсбергера откликнулись шумерологи, ассириологи и семитологи почти всех стран; многие из присланных статей являются серьезнейшим вкладом в изучение самых различных аспектов клинописной цивилизации — истории культуры, науки, права, искусств и т. д. Но, быть может, как это ни парадоксально, для историков особенно важен здесь вклад в изучение языков древнего Востока, так как ряд статей сборника посвящен самым острым и большим проблемам шумерской и аккадской грамматики, до выяснения которых иной раз могут быть поставлены под серьезное сомнение и немаловажные исторические выводы из текстов. В целом сборник представляет собой как бы всю современную ассириологию в разрезе и дает представление о том, какие вопросы в области истории культуры и филологии древней Месопотамии в настоящее время ставятся и разрешаются. Чтение сборника дает одновременно и известную картину самого характера древнемесопотамской культуры. С другой стороны, — и это характерно для западной ассириологии, — почти совершенно отсутствуют в сборнике работы собственно исторического и в особенности социально-экономического содержания. Тем не менее состав сборника столь разнообразен, что написать на подобный том компетентную рецензию отдельному ученому не под силу, поэтому, чтобы дать читателю представление о том новом, что рецензируемая книга вносит в науку, была привлечена целая группа

специалистов (В. К. Афанасьева, И. М. Дьяконов, И. Т. Канева, Г. Х. Каплан, С. М. Кашкай, И. Ш. Шифман, В. А. Якобсон и Н. Б. Янковская). После рецензии на каждую из статей обозначены инициалы рецензента.

M. Civil, *New Sumerian Law Fragments* (стр. 1—12 и табл. I—IV). Публикация (автографии, транслитерации, перевод и комментарии) нескольких текстов, хранящихся в музее Пеннсильванского университета и содержащих важные дополнения к текстам Законов ЛипитИштара¹. Первая часть работы посвящена группе текстов, содержащих дополнения к статьям, касающимся семейного и наследственного права и различных правонарушений в отношении женщин, а также правил найма скота, вторая часть — публикация текста в 15 строк (часть, сильно поврежденной таблицы), который автор довольно убедительно относит также к ЗЛИ. Текст содержит шесть статей (наем скота, наследственное право, насилие над беременной женщиной). Третья часть статьи посвящена публикации новых фрагментов к уже известным статьям о найме скота. Во всех случаях автор отмечает параллели с ЗХ. — В. Я.

O. R. G u r n e y and S. N. K r a m e r, *Two Fragments of Sumerian Laws* (стр. 13—19). Автографическая копия, транслитерация и перевод (с комментарием) двух фрагментов, которые, по мнению авторов, являются частями одного текста (но разных табличек?). Авторы полагают, что этот текст представлял собой школьную копию Законов УрНамму, выполненную в одной из урских «академий» (é-dub-ba) около 1750 г. до н. э. Хотя из 39 статей текста сохранилось только 12, однако значение нового издания очень велико, ибо оно существенно дополняет имевшиеся до сих пор сведения о Законах УрНамму.

¹ См. ЗВАХ — ВДИ, 1952, № 3, стр. 219.

Вместе с тем следует заметить, что транслитерация и перевод § 1, как они даны авторами, нуждаются, с нашей точки зрения, в исправлениях. Так, *dam-guruš* (стк. 2) следует переводить не «wife of (a man's) guruš-slave», а просто «жена мужа, жена (молодого) человека»². В стк. 8 *UŠ-ba* не следует читать *arad* (!?) -*ba* и переводить «that slave». Такой перевод невозможен грамматически, так как *UŠ* здесь не может быть подлежащим (*UŠ-ba* < **UŠ-bi-a* местный падеж), а знак *UŠ* следует читать *giš* «coire» (как *nomem actionis*). Тогда перевод § 1 будет таков: «¹Если ²жена мужа ³по своей воле ⁴за мужчиной пойдет ⁵(и) на лоно ее он возляжет, ⁶женщина эта ⁷будет убита. ⁸От совокупления этого (в оригинале локатив! — *В. Я.*) — ⁹освобождение (от него) ¹⁰он (т. е. мужчина. — *В. Я.*) получит (букв. установит)». Такой перевод хорошо согласуется с законодательной практикой древности (ср., например, САЗ, А (III), § 14). — *В. Я.*

E. Sollberger, A Three-Column Silbenvokabular A (стр. 21—28). Публикация таблички BM 13902, являющейся копией учебного текста старовавилонского времени. Небольшой и неточно воспроизведенный отрывок этого текста был в свое время отождествлен Б. Ландсбергером с так называемым *Silbenvokabular A*. Последний является вариантом текста *Silbenalphabet A* — старовавилонского перечня простейших шумерских двузнаковых логограмм (отчасти со значением имен собственных), расположенных в каноническом («алфавитном») порядке. В *Silbenvokabular A* этот же перечень сопровождается столбцом толкований. Прежнее отождествление издаваемого автором текста оказалось не вполне правильным, так как он состоит не из двух, а из трех столбцов (столбец логограмм и два столбца толкований), причем толкования в каждом из столбцов не только не совпадают, но нередко и совершенно противоречат друг другу, а иногда кажутся результатом произвольных домыслов писца. При этом как в *Silbenvokabular A* Б. Ландсбергера, так и в настоящем тексте, толкования объединяются в семантические группы (несмотря на «алфавитный» характер расположения толкуемых логограмм). Автор дает транслитерацию текста и подробные построчные комментарии. Этот своеобразный и не до конца понятный памятник старовавилон-

ской учености требует дальнейшего изучения. — *И. Д., И. К.*

J. Nougayrol, «Vocalises» et «syllabes en liberté» à Ugarit (стр. 29—39). Публикация текстов типа *Silbenalphabet A* и *Silbenvokabular A* из Угарита, в том числе перечня слогов, содержащих гласные *u*, *a* и *i* при одинаковых согласных. Имеют несомненное значение для теории и истории силлабического письма. — *И. Д.*

Muazzez Çiğ and Hatice Kızılyay, Additions to Series B and C of Personal Names from Old Babylonian Nippur (стр. 41—56). Публикация старовавилонских «словарей» (перечней) личных имен собственных, расположенных приблизительно в каноническом («алфавитном») порядке знаков (*Silbenalphabet B = Personnamen-Liste B* и *Liste C*; последний, по-видимому, оканчивался похвалой Нисабе, богине хлеба и пшеничного искусства). — *И. Д.*

I. J. Gelb, The Philadelphia Onion Archive (стр. 57—62). Исследование хранящегося в музее Пенсильванского университета архива документов о выдаче лука и чеснока, восходящего ко времени аккадского царя Нарам-Сина. Тексты написаны по-шумерски. Автор уточняет значение ряда терминов: *sum* «лук (?)» (обычно переводят «чеснок»), *sum-sikil* «чеснок (?)» (обычный перевод «лук»), *sum-gaz* «вид луковичного растения» (не «толченый лук»), *ga-raš^{SAR}* «порей»; *NI-ga* (по А. Даймелю — род. п. от *NI* «кунжутное масло») «мера емкости в 4 UL = 240 sila»; *nag-kud* «корыто»; *sar* «овощи»; *ku₆-sar* «рыба с луком и чесноком» (распространенное в Двуречье блюдо). Выдачи лука представляли собой не *ba* «регулярные выдачи зависимому рабочему персоналу», а (*še*-)*ku₆-ga* «кормление (для свободных)». Согласно части документов, лук выдавался «господам» (*lu-en*; автор сравнивает выдачу лука на культ *en-en* «господ», т. е. статуй предков, в досаргоновском Лагаше), по другим документам — на жертвы богам, а также к столу царя и крупных чиновников — *ensi* и др. — и в связи с отъездами и приездами царя, царских родственников и *ensi*. Выдача осуществлялась должностным лицом — «начальником овощей» (*gal-sar*) под наблюдением контролера — *maškim*.

Автор подчеркивает, что избрал столь низменный предмет для исследования в виде скромного выражения протеста против таких эзотерических и, при современном состоянии наших знаний, видимо, бесплодных занятий, как изучение проблем воскресения Таммуза и шумерской веры в загробную жизнь. Дело не в том, что важнее — изучение грамматики, словаря и материальной культуры или же вопросов теологии и метафизики. Дело только в очередности. Поскольку все

² Термин *guruš* применялся при III династии Ура только к государственным, но не к частным рабам. В то же время этот термин применялся и независимо от всякой социальной окраски, в значении «муж, молодой, полный сил человек». См. дискуссию по поводу этого термина между академиком А. И. Тюменевым и И. М. Дьяконовым (ВДИ, 1948—1949 гг.).

идей человека имеют человеческое происхождение, постольку я твердо уверен, что мы никогда не узнаем, из чего состоял нектар богов, пока не усвоим, каков был хлеб насущный народа». Мудрые слова, которые следовало бы помнить любому, кто изучает человеческое общество, а древность в особенности! — *И. Д.*

A. W. Sjöberg, Beiträge zum sumerischen Wörterbuch (стр. 63—70). В статье дается толкование ряда шумерских слов, значение которых до сих пор было неизвестно или спорно. На каждое слово автор приводит все известные ему контексты и аккадские эквиваленты. Так как до сих пор не существует настоящего шумерского словаря, то появление работ подобного рода имеет большое значение. Разъяснены слова: шум. *ra₁*, *a-ra₁* = акк. *arūtum* «железоб, глиняная труба»; шум. *za-na-ru* «род арфы или лиры»; шум. *nī-sè-sè*, *sà-sè-sè* = акк. *šummuru* «замышлять, исполнять замысел»; шум. *kur-ku* (не **še-ku*!), *ku-ku* «разлив»; шум. *kur-ku*, *KA.AN.NI.SI* = *kurku* «желание, слава, торжество; торжествовать (?)». — *И. К.*

Следующие две статьи сборника, принадлежащие перу Т. Якобсена и В. фон Зодена, рассмотрены в отдельной рецензии И. Каневой и Г. Каплан в настоящем номере ВДИ.

D. O. Edzard, Die Stämme des altbabylonischen Verbums in ihrem Oppositionssystem (стр. 111—120). В аккадском языке по характеру морфологической структуры глагольных форм выделяются четыре породы без инфиксов (условные обозначения G, D, S, N) и восемь пород с инфиксами (Gtn, Gt, Dtn, Dt, Stn, St₁, St₂, Ntn). Одни из этих пород взаимосвязаны, а другие нет. Например, порода Gt выражает взаимность по отношению к породе G, а порода St₂ — каузатив по отношению к Gt; следовательно существуют определенные соотношения — G:Gt и Gt:St₂. Для каждой породы число соотношений различно (от одного до пяти).

Исследование Д. О. Эдгарда ограничивается в основном староавилонским диалектом, как наиболее изученным. Автор исследовал все возможные соотношения и обнаружил, что их всего 32; их можно разделить на пять групп по числу возможных соотношений для каждой породы: I) G:Gtn / Gt/D/S/N; II) Gtn:G / Dtn/Stn/Ntn; III a) S : G/Stn/St; b) N:G / Dt/Ntn; IV a) Gt:G/St₂; b) Dtn:Gtn/D; c) Dt:D/N; Va) St₁/S; b) St₂/Gt. Приводя схему соотношения пород, автор указывает, что в аккадском языке нет глагола, который образовывал бы в с е породы. Семантика глагола влияет на количество и характер образуемых им пород. Так, переходные глаголы не образуют породу N, имеющую характер пассива к G при том же лексическом значении. Но переходный глагол *pašum* «летать» образует породу N, поскольку в данном случае эта порода создает новое лексиче-

ское значение. Породы D от глаголов состояния имеют значение фактива: *dumšum* «делать хорошим». Но глагол *rubûm* не означает «делать большим», а приобретает новое лексическое каузативное значение «выращивать, воспитывать». Породы D от переходных глаголов далеко не всегда обладают обычной семантикой распространения действия на множество объектов. Так, от глагола *tabāhum* «резать (животное)» породы D *tabbūhum* имеет значение «зарезать многих животных», но от глагола *dākum* «убивать» породы D *dukkum* не означает «убить многих», а «разбивать, покорять». Лишь очень ограниченное число глаголов может образовывать породу Gt со значением взаимного действия. Но от подавляющего числа глаголов образуются итеративные (повторительные) породы с инфиксом -tan-. Непродуктивные соотношения Gt:Dt, Dt:St₂, N:S, N:St₂.

Глагольная форма ставива нейтральна в отношении противопоставления актива и пассива. Поэтому в ней теряют смысл оппозиции G:N, D:Dt, S:St₁. Там же, где наряду со ставивом породы G существует и ставив породы N, последний имеет новое, отличное лексическое значение.

Автор видит недостаток своей работы в том, что он рассматривает соотношения пород статически, в результате чего остается неясным, какие функции той или иной породы в староавилонском диалекте продуктивны, какие нет, и какие ее функции являются первоначальными. Далее Эдгард ставит перед будущими исследователями семитского глагола и его системы пород ряд вопросов, подлежащих разрешению.

Своей статьей автор подчеркивает тот факт, что породы аккадского глагола не являются неизменными величинами, что они историчны в своей сущности. Ярким примером тому, по нашему мнению, может служить так называемый аккадский «перфект», который, видимо, генетически является претеритом вторичных пород, утерявшим специфическую семантику этих пород, но приобретшим новые видо-временные функции.

Статья Эдгарда указывает на необходимость исследовать систему глагольных пород в каждый период аккадского языка в отдельности. Только это позволит в дальнейшем дать ясную картину развития значения каждой породы и историю развития соотношений между породами аккадского глагола в целом. Подобное исследование имело бы большое значение для всего семитохамитского языкознания. — *Г. К.*

R. T. Hallock, The Verbal Nouns in Achaemenid Elamite (стр. 121—124). Исследование новоэламского глагола. Автор различает несколько типов спряжения (см. таблицу).

Глаголы в формах I и II переводятся, по автору, прошедшим временем, в фор-

Тип	3 л. спрягаемой формы	Инфинитив	«Причастие»	«Отглагольное прилагательное»	Значение
I	R-aš	R	R-(i)ra [мн. ч. R-ip]	—	Переходное, активное
Im	R-ma-š	R-ma	R-ma-r	—	(То же, дящеся?)
II	R-uk(a)	—	—	R-uk(a) [мн. ч. R-ar(a)]	Непереходное или пассивное
IIIm	R-ma-k	—	—	?	То же, дящеся
III	R-nra	R-n(a)	—	—	Переходное или непереходное
IIIIm	R-ma-nra	R-man(a)	—	—	То же, дящеся

мах III — почти всегда настоящим или будущим. Кроме перечисленных, автор указывает также на форму R-k-ra. Прибавление суффикса -ra подчеркивает, что имеется в виду лицо, а также выражает отличие от спрягаемой формы 3 л. непереходного глагола на -k. Автор предлагает ряд лексических уточнений: kur-min не «из рук» (так, например, переводит еще Ю. Б. Юсифов), а инфинитив III от глагола *kurm- «доставлять»; na-n tu-š дословно «говорение сказал»; id-du инфинитив I «выдать»; ša-ra-ra «отделяющий, выделяющий».

В заключение автор выдвигает гипотезу, что первоначально существовало только спряжение I, к которому относилось и «отглагольное прилагательное» на -k, а затем спряжение I m с полным набором форм, включая и свое собственное «отглагольное прилагательное»; последнее в обоих спряжениях употреблялось и предикативно, с присоединением личных окончаний; тем самым сложились спряжения II и II m (позже в собственно причастном значении стала употребляться форма на -k-ra). Аналогично от инфинитива спряжения I и I m образовались формы на na; из их предикативного употребления выработались спряжения III и III m. Автор подчеркивает, что эта гипотеза нуждается в проверке на основании материала эламского языка более ранних периодов.

Изложенное предположение близко и к точке зрения рецензента, однако нам хотелось бы сделать ряд терминологических поправок. Времен, с нашей точки зрения, в эламском, как и во всех других древних языках Западной Азии, не существовало: вместо punctual и durative (мгновенные и длительные формы) лучше употреблять термины perfective и imperfective aspect (вид совершенный и несовершенный). Терминов «актив» и «пассив» в отношении языков эргативного типа (к которым относится и эламский) следует совершенно избегать; материал Р. Т. Хэллока также показывает, что противопоставления «актив»: «пассив» в эламском не существовало. Вместо тавтологических терминов «причастие» и «от-

глагольное прилагательное» (употребляемых автором по аналогии с терминами, неудачно принятыми в существующих аккадских грамматиках) следует говорить о «причастии действия» и «причастии состояния»; спрягаемая форма так называемого «непереходного глагола» (глагола состояния) исторически тождественна предикативной форме причастия состояния. Формы на -n и -ma-n представляются нам модальными (герундивными), выражающими возможность и долженствование. Это подтверждают и примеры, приводимые автором статьи, например, ar-ra EL-ma hu-ud-da-in «что я задумал, (чтобы) сделать»; da-a-ma ši-ib-be a-ni hu-ud-da-an «дэвы — праздник (их) не должно делать»; kur-min PN-na «должно быть выдано PN'ом», и т. д. Формы на -n, в отличие от форм на -pa, чаще употребляются предикативно (в главных предложениях).

Наряду с систематизацией глагольных форм из хозяйственных текстов и надписей ахеменидского времени наиболее ценным в статье Р. Т. Хэллока представляется окончательное уточнение функции элемента -ma как выражающего длительность действия, точнее, мы бы сказали, несовершенный вид. — И. Д.

А. Falkenstein, Die Anunna in der sumerischen Überlieferung (стр. 127—140); В. Kienast, *Igigū* and *Anunna-kū* nach den akkadischen Quellen (стр. 141—158). Статьи А. Фалькенштейна и Б. Кинаста посвящены исследованию двух больших групп божеств, известных в шумерской и аккадской традиции — Игигов и Ануннаков. Фалькенштейн рассматривает лишь шумерский термин *da-nun-na*, поскольку термин *ḫun-gal-e-ne* (шум. эквивалент для аккадского *igigū*) до старовавилонского периода крайне редок в шумерских источниках. Используя обширный материал, Фалькенштейн исследует способы написания, значение термина, сведения о количестве, месте жительства, деяниях Ануннаков, а также их связи и взаимоотношения с другими божествами шумерского пантеона. Выводы его следующие.

Ануннаки упоминаются только в литературных текстах, жертв им не приносили, храмов они не имели, в теофорных именах собственных не встречаются, следовательно, представление, связанное с этими божествами, не влияло на культ и не распространялось на сферу частной религиозной жизни. Значение слова *a-nuna-ke₄-ne* (так впервые в послеаккадский период) спорно, но, скорее всего, его можно толковать как «(божества) — семья князя», причем «князь», по-видимому, — бог Энки, поскольку это его частый эпитет.

В период образования единого пантеона при III династии Ура отцом Ануннаков считался бог Ан, создавший этих богов на небе и на земле. В «послешумерских» текстах их создание приписывается Мардуку, богу Вавилона. Сведения о числе Ануннаков различны и противоречивы (от семи до шестисот). Также разнообразны данные о месте их жительства — в новошумерских текстах различаются Ануннаки из Эриду и из Лагаша и т. д., а в старовавилонских текстах они обитают в священном городе Нипуре.

Несмотря на неясность функций Ануннаков, видимо, главная их задача — определять людские судьбы, что сближает их с богами *dingir-nam-tar-ra*. В ряде текстов Ануннаки — боги-заступники, боги-покровители, часто они названы в эпических гимнах, восхваляющих того или иного бога как «первого среди А.», «героя А.», «благороднейшего из А.», причем это в равной степени относится и к главным и к второстепенным божествам, иногда даже к мелким демонам. Сила и могущество божества может подчеркиваться описанием реакции Ануннаков на его действия; так, Ануннаки дрожат от взгляда и слова Ана, дрожат при имени Нинлиль и Энлиля, забиваются в щели как мыши от чарования какого-то демона и т. д. Именем Ануннаков часто клянутся, они являются посредниками при обращении людей к богам и т. п. Совершенно отдельно стоят Ануннаки — боги (а иногда судьи) подземного царства.

Таким образом, заключает Фалькенштейн, под названием Ануннаков, видимо, издавна объединялись божества различных местных пантеонов. Возможно, в связи с последующим образованием единого пантеона могло создаться представление об определенной группе богов, к которой принадлежали все «великие боги» (один из наиболее частых эпитетов Ануннаков). В некотором противоречии с генеалогической системой нового пантеона Ануннаки рассматривались как дети Ана и считались состоящими между собой в родстве. Но кто именно из главных богов причислялся к этой группе — неясно. Сопоставление Ануннаков с древними богами-прародителями, низвергнутыми богом грома в преисподнюю, что

имеет место в хеттской мифологии, шумерским источникам не известно.

Исследование термина на аккадском материале продолжает Кинаст, привлекающий также и проблему о группе богов, называемых *Igigi*. Аккадские источники об Ануннаках в значительной мере продолжают шумерские традиции.

Особое место автор уделяет подбору примеров параллелизма, что дает ему возможность установить и исследовать параллели — «Ануннаки: боги», «Игиги: боги», «Игиги: Ануннаки». Наиболее интересной, хотя и спорной частью исследования, является попытка в дискуссионном порядке дать толкование термина *Igigi*. Игиги, по мнению Кинаста, — древнее аккадское обозначение группы богов неясного происхождения, которая в старовавилонский период была включена в более общее понятие Ануннаков. Вероятно лишь случайно, из-за состояния наших источников, термин «Игиги» не дошел от более раннего периода. Это с самого начала и до позднего времени — группа космических божеств. Шумерский эквивалент, *d¹un-gal-e-ne*, по мнению Кинаста, — новообразование, созданное для передачи аккадского понятия. По его мнению, аккадская религия — преимущественно космическая, а шумерская — преимущественно хтоническая, отсюда зачастую ярко выраженный хтонический характер шумерских Ануннаков. Этим, с точки зрения автора, объясняется, почему вплоть до конца I тыс. до н. э. сохраняется представление об Ануннаках, как о богах-судьях подземного царства, в чем они отличаются от Игигов, хотя в остальном функции и деятельность обеих групп божеств очень близки. В целом начиная со старовавилонского периода и до конца аккадской цивилизации Ануннаки и Игиги — понятия-синонимы, применяемые для обозначения богов пантеона, как целой группы. Но понятие Ануннаков — двусмысленно: это общее неопределенное обозначение части божеств пантеона в целом и в то же время специальное обозначение только хтонических божеств.

Статьи Фалькенштейна и Кинаста разрушают привычное традиционное, но упрощенное представление о том, что шумеро-аккадский пантеон делился на небесных божеств — Игигов и хтонических божеств — Ануннаков. — В. А.

К. В а l k a n, *The Old Assyrian Week* (стр. 159—174). Статья посвящена до сих пор дискуссионному термину *hamuštum*, который встречается в документах из торговых колоний в Малой Азии начала II тыс. до н. э. и обозначает определенный срок функционирования должностного лица (одного или двух), по которому датировались судебные операции; *hamuštum* является также названием некоей судебной коллегии. К. Валан солидаризируется с определением *hamuštum*, предложенным В. Ландесбергером, отождеств-

вившим срок представительства должностного лица, о котором идет речь, с пятидневкой. В статье подробно проанализированы данные опубликованных источников, обычно привлекаемые для определения длительности срока *hamuštum*, в основном по линии полемики с Дж. А. Бринкманом, согласно которому *hamuštum* = декаде. Однако автор не ограничивается этим; благодаря привлечению еще не опубликованного материала из раскопок турецких археологов статья К. Балкана представляет очень большой интерес. Наибольшие возможности для решения проблемы открывают данные неизданных писем, приведенные в статье, и данные пока единственного пространного, наполовину сохранившегося списка эпонимов. Статистические данные, собранные автором, попытку сопоставить *hamuštum* с лунными фазами, данные относительно безымянного жреца (*qaššum*), упоминаемого в списке эпонимов, позволяют использовать наблюдения автора как вехи в дальнейшем исследовании вопроса, который сам К. Балкан справедливо считает все еще не разрешенным. — Н. Я.

L. Matouš, *Anatolische Feste nach den «kappadokischen» Tafeln* (стр. 175—181). Статья касается определения сроков пяти культовых праздников торговой колонии в Канише (Малая Азия начала II тыс. до н. э.): Ана, Нипас, Парка, Харихари и Тухтуханум. В особенности важными представляются нам аргументы, приводимые автором для доказательства определения божества Аны и его праздника как бесспорно местных, а не семитских (не месопотамского Ану или аморейской Анат, как считал Ю. Леви!). Среди канишеских кушцов было принято клаяться при заключении сделок именем Ашшура (ассирийского божества), Амурру (аморейского божества) и Аны (анатолийского божества), в равной степени почитавшихся группами контрагентов, связанных общим происхождением из, соответственно, восточносемитских, западносемитских или анатолийских областей. Таким образом, этот материал выбывает из числа аргументов в пользу политического господства семитов в Малой Азии XIX в. до н. э. Из всех божеств, известных по канишеским текстам, позднейший хеттский пантеон сохранил только имя Парка (Ширка). По мнению автора, праздник этого божества падает на один из двух последних месяцев года. Праздник Аны, — по всей видимости, новогодний, Нипас, видимо, падал на середину года, Тухтуханум — на время жатвы, т. е. в условиях Анатолии, на апрель-июль; Харихари пока не поддается определению во времени, но известно, что приплата к ссудам, срок которых падает на время этого праздника, чаще всего включает овец (но также хлебцы, зерно, мед, лук, вино). — Н. Я.

Meburge Tosun, *Styles in Kültepe Seal Engraving as Expression of Va-*

rious Cultural Influences (стр. 183—188 и табл. V—XII). В статье изучается материал, собранный учеником Б. Ландсбергера О. Б. Рилли еще до 1938 г. и частично известный по извлечениям из его работы, опубликованным впоследствии Х. Г. Гютербоком. Систематизация материала также принадлежит Рилли, но наблюдения его расширены на основании нового материала раскопок (обработанного в основном Нимет Эзгюч и Эдит Порадой).

Исследуемая глиптика разбита в статье на четыре группы: старовавилонскую, староассирийскую, сиро-анатолийскую и местную анатолийскую, состоящую из трех подгрупп, условно обозначенных по именам владельцев наиболее характерных печатей каждой подгруппы (*Saluwanta*, *Šiwēdaku*, *Rab-ḫattim*). Старовавилонская группа позволяет сделать наиболее любопытные наблюдения (впрочем, уже не новые) — фиксировать период непосредственных связей Южного Двуречья с Кюльтепе-Канишем (но не датировать архивы Каниша, как полагает автор!); особенности печатей Каниша старовавилонского типа характерны для Сиппара в Двуречье примерно за полстолетия до воцарения Хаммурапи; все новое, что появилось в Южном Двуречье после Хаммурапи, в Канише уже не встречается. Таким образом, Сиппар, крупнейший из торговых центров Двуречья, был связан с Канишем, крупнейшим из торговых центров Малой Азии, по всей видимости, до периода наиболее активной борьбы за гегемонию на Евфрате и, во всяком случае, до стабилизации царства Хаммурапи.

Старовавилонская — единственная из всех групп глиптики Каниша, отличающаяся четко выраженным стилистическим единством. Старовавилонские традиции в разной степени характерны, по мнению автора, и для остальных групп. О староассирийском стиле в глиптике Каниша автор по существу не находит возможным сказать ничего определенного, ссылаясь на случайность материала и на то, что это стиль еще недостаточно исследованной Северной Месопотамии. Между тем город Ашшур, который все еще считается по традиции метрополией Каниша, достаточно исследован в результате раскопок В. Андрэ; другими словами, материал глиптики не дает оснований для умозаключения об особо тесной связи Каниша с Ашшуром. Зато сиро-анатолийская группа глиптики выделена вполне определенно. Автор обещает позже дать специальное исследование о ней и в особенности относительно определения сирийского импорта и анатолийских подражаний ему, чрезвычайно характерных не только для глиптики, но и для керамики Каниша в период, о котором идет речь. Лейтмотив исследования — всяческое подчеркивание нерасчлененности стилистических приемов местной глиптики, что

не позволяет привязать какую-либо отдельную стилистическую черту к какому-либо одному из этносов, известных в Анатолии этого времени. Эти черты смешения культур столь же характерны и для городов всей Передней Азии — всегда легче примерно определить период, к которому относится предмет, чем выделить характерные для него локальные или этнические черты, в особенности, — в районах, связанных постоянным торговым обменом. Это видно и из приложения к статье, содержащего сравнительный материал из Ашшура и Киша с ссылками на связи с Мари, Каркемшам, Телль-Халафом и Сузами. — *Н. Я.*

J. Læssøe, IM 62100: A Letter from Tell Shemshara (стр. 189—196). За последнее время одной из наиболее интересных находок из II тыс. до н. э. был архив с городища Телль Шемшара, раскопанного датской экспедицией в Иракском Курдистане. Под этим городищем скрывался древний город Шушарра, упоминаемый в документах из Мари (ARM, IV, 25) и игравший существенную роль в политике ассирийского царя ШамшиАдада I перед завоеванием Ассирии царем Хаммурапи. Архив г. Шушарра состоит преимущественно из писем, адресованных некоему Кувари, хурритскому вождю, подчиненному ШамшиАдаду I. В настоящей статье И. Лæssøe публикует письмо к Кувари от некоего Шепратума. Шепратум цитирует письма, прибывшие от двора ШамшиАдада I и от эламского царя Шируктуха (в тексте «*Su-ru-uh-tu-uh*»; важный для столь малоизученной эламской истории синхронизм!). Автор письма сообщает, что ШамшиАдад завоевал Аррапху, и советует адресату воспользоваться этим, чтобы, припугнув царьков горных племен, вынудить их к установлению дружественных отношений, но в то же время выражает надежду, что ШамшиАдад не слишком усилится и не представит опасности для самого города Шушарра. Письмо дает очень любопытные сведения о настроениях в области, в дальнейшем вошедшей в состав царства ШамшиАдада, и об отношении к его действиям, предшествующим взятию города, — типичный образец безразличия к судьбам соседей, основанного на неоправданной надежде остаться в стороне от войны со всеми ее осложнениями. — *И. Д., Н. Я.*

H. G. Güterbock, A Votive Sword with Old Assyrian Inscription (стр. 197—198 и табл. XIII—XV). В одной из частных европейских коллекций, владелец которой пожелал остаться неизвестным, имеется бронзовый меч (длина 1,09 м, вес ~ 5 кг); по сведениям владельца, он происходит из района Диярбакыра в верховьях р. Тигра. Четверть длины меча приходится на массивную рукоять; клинок тонкий, погнутый, конец отломан. Вес, указанный в надписи (6 кг), сейчас умень-

шился. Автор считает меч votivным, не боевым оружием, в основном из-за слабого клинка. На рукояти имеется отверстие для насадки меча вверх клинком, направление надписи (сверху вниз по самой середине клинка) подтверждает такую постановку меча. Текст: «Владыке Хубшалума (!) хозяин его Лулуанум, сын Азизума, за свою жизнь и за жизнь своего сына меч (весом в) 12 мин внес». В тексте — *Hu-te-ša-lim* вместо *Hu-ub(!)-ša-lim*. X. Г. Гютербок отождествляет «Владыку Хубшалума» с богом Нергалом-Хубшал, известным из текста в библиотеке Ашшурбананала. Если фигурки львов на рукояти меча действительно тождественны львам Язылы-кая, как считает автор, то становится возможным предположение о существовании в одном из приделов этого хеттского скального святилища и культа Нергала, владыки Хубшалума, связанного с почитанием мертвых. Один из религиозных текстов Богавкёя, содержащий лувийскую терминологию, действительно упоминает бронзовый меч Нергала.

Появление хорошо известного по капишским архивам характерного старо-ассирийского почерка в votивной надписи из района на верхнем Тигре, населенного хурритами, создает еще одно звено, связывающее торговые поселения в Малой Азии XIX в. до н. э. с хурритами, в том числе с поселением Гасур в верховьях р. Адема, притока Тигра ниже Ашшура, где было найдено несколько текстов, написанных тем же почерком и свидетельствующих об участии здешних купцов в международной торговле, одним из центров которой был Капиш в Малой Азии. — *Н. Я.*

W. W. Hallo, A Mercantile Agreement from the Reign of Gungunnum of Larsa (стр. 199—203). Автографическая копия, транслитерация и перевод с комментарием весьма любопытного торгового контракта из йальской коллекции (YBC 5447), относящегося к времени Гунгуннума, царя Ларсы (1923 г. до н. э. по «средней» хронологии). Некий купец из Ларсы предоставляет другому лицу шерсть, ячмень и кунжут для продажи, а его контрагент обязуется полностью рассчитаться после окончания торговой поездки. В. Халло полагает на основании характера имени и отчества, что должник по этому контракту — не житель Ларсы, а житель Дильмуна на Персидском заливе. Нам кажется, однако, что этому противоречит стк. 8 текста, согласно которой расчет с купцом (проживающим в Ларсе) должен состояться по окончании торгового путешествия; если бы должник возвращался в Дильмун, то такой расчет стал бы невозможен. Возможно, однако, что должник — уроженец Дильмуна, ведущий с ним торговлю, но проживающий в Двуречье, в Ларсе. — *В. Я.*

V. B u c h a n a n, A Dated «Persian Gulf» Seal and Its Implications (стр. 204—209 и табл. XVI). Статья Бьюкенена посвящена отгиску печати на документе, изданном Халло. Наиболее близкую стилистическую и иконографическую аналогию дает печать, найденная датской экспедицией на о. Файлака (группа Бахрейнских островов, по-видимому, древний Дильмун).

В статье рассматриваются три группы печатей-штампов (так называемые «печати Персидского залива»), которые так или иначе связываются с древней Индией. Печать на табличке YBC 5447 и файлакская параллель относятся к наиболее поздней группе III (по автору «глиптика Дильмуна»), близко напоминающей древнеиндийские печати (датируется ~ 1900 г. до н. э.). Наиболее типичные мотивы — букраний (известные в древнейшем искусстве Передней Азии, а после длительного перерыва, начиная с XIX в. до н. э. — в сирийской и сиро-каппадокийской глиптике) и мотив двух фигур, тянущих из сосуда вино или пиво через трубку (широко распространен в Двуречье в начале — середине III тыс. до н. э., затем появляется на провинциальных сирийских печатях XXI—XX вв., часто вместе с букранием). Автор ставит вопрос о торговых связях Персидского залива с Сирией около 2000 г. до н. э., а также предположительно локализует Дильмун на о. Файлака, Маган — на о. Бахрейне, и Мелухху — на Иранском побережье у Бушира. Однако уже совсем недавно Б. Ландсбергер, по-видимому, окончательно доказал, что Мелухху следует искать в долине Инда³. — В. А.

A. G o e t z e, Tavern Keepers and the Like in Ancient Babylonia (стр. 211—215). Публикация весьма любопытного документа, хранящегося в библиотеке Смит-колледжа (Массачусетс). Этот документ, датированный 36 годом правления Аммититаны, третьего преемника Хаммурапи, дает сведения о положении содержателей питейных заведений и харчевен в Сиппаре. Из текста видно, что эти лица записались в особые списки и обязаны были уплачивать двору налог (*nāmettum*) серебром. Надзор за надлежащим ведением списков и сбором налогов несли местные градоначальники (*rabi'ānū*). До сих пор о положении корчемниц было известно только из ЗХ, §§ 108—111. Статья содержит автографическую копию текста, транслитерацию, перевод и комментарий. — В. Я.

Rivkah H a r r i s, The Journey of the Divine Weapon (стр. 217—224). Статья посвящена специфическому старо-

вавилонскому обычаю использовать «оружие» и другие символы божества при принесении клятвы спорящими сторонами. Автор приводит ряд текстов, иллюстрирующих эту своеобразную разновидность «божьего суда». — В. Я.

F. R. K r a u s, Ein Edikt des Königs Samsu-iluna von Babylon (стр. 225—231). Статья представляет собой издание в транслитерации и переводе с комментарием фрагмента клинописного текста из Стамбульского музея Si. 507, содержащего части эдикта царя Самсуилуны, сына Хаммурапи. Автор статьи устанавливает связь этого документа с эдиктом царя Аммицадуки, изданным им же⁴. Автор указывает, что подобного рода эдикты издавались царями I Вавилонской династии при восшествии на престол, а также в некоторых других случаях (война, неурожай) и представляли собой попытки облегчить тяжелое положение мелких землевладельцев. Эти эдикты дают чрезвычайно интересные сведения о старовавилонском обществе — из них следует, что в старовавилонском царстве существовал институт возвращения (или выкупа?) родовой земельной собственности, проданной до эдикта на сторону из-за экономических затруднений, а также, что время от времени практиковалась отмена долгов. — В. Я.

J. J. F i n k e l s t e i n, Some New Misharum Material and Its Implications (стр. 233—246). Статья Дж. Финкельштейна тематически продолжает статью Ф. Р. Крауса и дает чрезвычайно ценные сведения касательно практического осуществления эдиктов, о которых в ней идет речь. Работа Дж. Финкельштейна — публикация (автографическая копия, транслитерация, перевод и комментарий) текста BM, 80318 из сиппарской коллекции Британского музея, приблизительно датированного временем от царствования Синмубаллита до Самсуилуны (XIX — XVIII вв. до н. э.). Текст представляет собой жалобу царю на неправомерные и незаконные действия должностных лиц, обязанных проводить в жизнь положения очередного эдикта о *mēšarum*, т. е. об «установлении справедливости». Таким образом, этот текст показывает, что эдикты не были лишь теоретическим провозглашением справедливости, но в какой-то степени осуществлялись на практике; он также дает некоторое представление о процедуре, связанной с исполнением эдикта. В статье приводятся параллели из Законов Эшнунны (§ 39) и Библии (Lev., XXV, 25 сл.). Автор приходит к выводу, что периодичность таких эдик-

³ См. B. L a n d s b e r g e r, Einige unerkannt gebliebene oder verkannte Nomina des Akkadischen: 6. *kurkū* «Gans», WO, III, 1966, № 3, стр. 246—268.

⁴ F. R. K r a u s, Ein Edikt des Königs Ammi-šaduqa von Babylon, «Studia et documenta ad jura Orientis antiqui pertinentia» (Leiden), V, 1958.

тов пока не может быть установлена, однако они издавались как при воцарении нового царя, так и в течение царствования. При этом эдикты различались как по объему затрагиваемых прав, так и по территории действия (могли относиться ко всему царству или к какому-либо одному городу). — В. Я.

Erica Reiner, *Dead of Night* (стр. 247—251). Анализ выражения *eme-ḥul-gál bar-šè hé-im-ta-gub* (акк. *lišānu lemuttu ana aḥāti lizziz*) «пусть дурной язык встанет в сторону», употреблявшегося во время обряда изгнания злых духов и означавший призыв к молчанию, чтобы магически неблагоприятным речением не повредить ходу обряда. Из тех же соображений, как показывает автор, ритуалы для изгнания духов и для изучения естественных предзнаменований совершались ночью (ср. известную «Молитву к ночным богам», связанную с этими обрядами). Автор сравнивает также выражения, как греч. *euphemein* «говорить магически благоприятное; избегать несчастливых слов; сохранять магическое молчание» и лат. *favete linguis* — приглашение к молчанию при жертвоприношении. В связи с этим ставится вопрос, правильно ли из аккадских словарей исключать глагол *qālu* «кричать» и имя *qūlu* «крик», оставляя для них только значение «относиться с вниманием; молчать» и «молчание»? Для сравнения отмечается, что шум. *pi(g)-me-gar* означает и «молчание» и «радостное, благое ликование». Автор сравнивает также акк. *nīra kibbutu* «тушить свет», букв. «почитать свет» и лат. *ignem tutare* «тушить свет», букв. «ухаживать за светом», откуда франц. *tuer* «убивать». Наконец, автор подчеркивает, что в словарной работе не следует при наличии двух трудно уязвляемых значений одного слова или корня искусственно придумывать некое якобы первоначальное («Grundbedeutung»), но искать семантического развития слова в конкретных условиях жизни и идеологии носителей языка. — И. Д.

A. L. Oppenheim, *A Note on the Scribes in Mesopotamia* (стр. 253—256). Статья посвящена положению писцов при царском дворе на основе материала писем. Этот материал выявляет исключительно важную роль писца в качестве царского политического пропагандиста и того лица, которое в качестве царского секретаря фактически контролировало связи правителя с внешним миром. Приводимые автором цитаты из писем показывают, что особенно последняя роль писца очень четко воспринималась древневосточным обществом. — И. Д.

R. Labat, *Jeux numériques dans l'idéographie susienne* (стр. 257—260). Приводятся примеры энигматического письма с криптографическим использованием цифр вместо логограмм. Сюда от-

носятся цифры, употребляемые для обозначения божеств (1—Ану, 6—Адад, 10—Нуску или Мардук, 12—Нергал, 15—Иштар, 20—Шамаш, 30—Син, 40—Эа, 50—Энлиль или Нинурта, и т. д.) и цифры 15 со значением «правый», 2'30 со значением «левый» (позже в Эламе 16 «левый»), 3'20 со значением «царь» (позже в Эламе 2'30 «царь»). Ряд криптограмм не поддается расшифровке. — И. Д.

Anne Daffkorn Kilmer (and Marcelle Duchesne-Guillemin), *The Strings of Musical Instruments: Their Names, Numbers and Significance* (стр. 261—272). Живо и занимательно написанная статья начинается с цитаты из гимна царя Шульги, похваляющегося своим музыкальным образованием — на зависть автору статьи. К счастью, в данном случае бессилие ассириолога-текстолога компенсировано блестящим анализом строя шумеро-вавилонской музыки, который в приложении к статье Анни Килмер дала Марсель Дюшен-Гийемен (стр. 268—272). Отдельные строчки в математических текстах касситского периода, посвященные вавилонской музыке, дают возможность показать истоки теории музыки Пифагора и происхождение ее терминологии, к чему Килмер обещает вернуться в ближайшем будущем. Рассматриваемая статья дает пока только информацию о струнах музыкальных инструментов. Из трех известных категорий шумеро-вавилонских музыкальных инструментов — ударные (барабаны, цимбалы, гонги, металлические и деревянные трещетки), духовые (из дерева и тростника) и струнные (арфа, лира, лютия) — мы получаем представление только о последней. В силлабариях зафиксировано 14 названий струнных инструментов, которые имели от 3 до 30 струн. Килмер приводит сведения о свойствах и характеристике этих инструментов (сравнения звука, манера игры, натяжение и настройка струн) и, наконец, по исследованию Дюшен-Гийемен, данные о названиях струн как обозначениях нот и интервалов гаммы; употребление названия инструментов в качестве технического обозначения характера мелодии песни: обыкновенная, приглушенная, подобная флейте и т. д.

В приложении М. Дюшен-Гийемен раскрывает смысл текста, опубликованного Килмер (в рецензируемой статье приведено его пересмотренное чтение), и дает возможность частично восстановить утраченные строки, поскольку этот текст, по М. Дюшен-Гийемен, дает не разрозненные сведения о музыкальных инструментах, а представляет связную запись. Центральное место в тексте занимает четвертая струна, именуемая «(бог) Эа — творец»; построение записи — циклическое: возврат к началу дает ту же ступень октавы.

Строго логический анализ трех взаимно подтверждающих друг друга текстов (CB 10996; U 3011, KAR, 158) позволил М. Дюшен-Гийемен открыть характер вавилонского лада и вместе с тем — особенности музыкального строя одной из древнейших цивилизаций мира. — *И. Я.*

[Hildegard Lewy], Ištar-Šād and the Bow Star (стр. 273—281). Статья посвящена истолкованию написания имени божества ^dIštar-ZA.AT (H. Hirsch, Untersuchungen zur altassyrischen Religion, AfO, Beih. 13/14, 1961, стр. 25 сл. и 36). Оно толкуется как ^dIštar-Šād «Иштар — меднокрасное сияние»: автор убедительно доказывает, что под этим названием скрывается обозначение звезды Сириус, когда она находится над самым горизонтом, а также, что с Сириусом отождествлялась богиня Иштар Арбельская и некоторые другие ипостаси Иштар в Вавилонии и Эламе. При этом ^dIštar-Šād возможно — двуполюе божество. Попутно истолковывается известная «Дильбатская» астрономическая таблица в качестве перечня неподвижных звезд, к которым должны обращаться верующие, молящиеся Иштар в эпоху невидимости планеты Венеры, — основного светила, посвященного Иштар. Далее, указывается на перенос некоторых обозначений с одной звезды на другую в течение истории вавилоно-ассирийской астрономии. Так, «Звезда лука» (^{MUL}BAN) первоначально означало «Сириус», а позже — ^δ Canis Majoris (тогда Сириус стал называться «Звездой прямой стрелы» — ^{MUL}KA.K. SI.SÁ). Автор полагает, что место культа Иштар-Цад находилось в Ассирии, поскольку это божество упоминается только в тех каппадокийских письмах XIX в. до н. э., которые обращены от ассирийца к ассирийцу, и в частности, в письме некоей Иштар-башти, жившей в Ашшуре и посылавшей выгканные ею ткани на продажу в Малую Азию (не путать с ее родственницей Иштар-башти, которая сама жила в Малой Азии; см. письмо ICK, I, № 28 и публикуемое в статье письмо Leiden № 4). — *И. Д.*

W. G. Lambert, A Middle Assyrian Tablet of Incantations (стр. 283—288). Публикация таблички Британского музея Rm 376, содержащей запись заклинаний, в том числе нового варианта заклинания, содержащего миф о быке — божу луны Сине, спарившемся с короной, которая родила ему божественного теленка (заговор для роженца); ср. издание R. C. Thompson (AMT, 67, 1) и перевод F. M. Th. de Liagre Böhl (JEOL, I, стр. 202—204). Попутно даются интересные сведения о технике обжига глинописных плиток древними (обжиг при 650° дает красный черепок, 750° — беловатый; при обжиге под температурой свыше 750° плитка раскраивается). — *И. Д.*

J. V. Kinnier Wilson, An Introduction to Babylonian Psychiatry (стр. 289—298). Статья представляет собой интересный обзор различных текстов, освещающих представления вавилонян о причинах и характере душевных болезней. Автор приходит к выводу о весьма широком распространении в древности различного рода психических расстройств, известных и в современной медицинской литературе. К сожалению, иногда автор, увлекшись, заходит слишком далеко. Так, трудно согласиться с ним, когда он объявляет «Песнь о невинном страдальце» (*Ludlul bēl nēmeqi*), одно из лучших произведений вавилонской поэзии, «автобиографией параноидного шизофреника». — *В. Я.*

Edith K. Ritter, Magical Expert (= *Āšipu*) and Physician (= *Asū*): Notes on Two Complementary Professions in Babylonian Medicine (стр. 299—321). Подробный анализ диагнозов, прогнозов, подхода к больному, лечения и т. д., как они осуществлялись, с одной стороны, вавилоно-ассирийским знахарем-шаманом (*āšipu*), с другой, — вавилоно-ассирийским врачом-практиком (*asū*). Первый действует как агент божественных сил, манипулирует магическими средствами — волшебными фигурками, амулетами, обрядами, черчением магических кругов и т. д.; и даже применяемые им лекарственные средства носят магический характер. Второй изготовляет и применяет средства лекарственные в собственном смысле: сушеные растения, мази, напитки, повязки, припарки, омовения и т. п.; к помощи силы божеств *asū* обращается только через посредничество Гулы, богини-покровительницы его профессии, и молитва к ней имеет в курсе лечения, осуществляемом врачом-*asū*, чисто вспомогательное значение. Отличная статья, в которой ясно видна рука учителя Эдит Риттер — Бенно Ландбергера. — *И. Д.*

F. Köcher, *Urruru* («am Feuer dörren») (стр. 323—325). Истолкование часто встречающегося в вавилоно-ассирийских медицинских текстах написания *TUR^{ar}* как фонетического: *tur-ār < turrar* от глагола *urruru* «сушить». — *И. Д.*

E. Leichty, *Apišalū* (стр. 327). Название болезни или уродства *apišalū* выводится из названия города *Apišal* (A-pi₄-šal^{KI} в текстах III династии Ура). — *И. Д.*

Kadriye Yalvaç, Eine Liste von Amulettensteinen im Museum zu Istanbul (стр. 329—336). Критическое сводное издание текста, основанное на рукописи KAR, 213 и неизданных: Istanbul A(ssur) 231 (приводится автография); K 6282 + K 9556 + K 11269 + + 81-4-9, 232 и K 2409 (первые два — из Ашшуре, последние два — из Ниневии). — *И. Д.*

A. K. Grayson, Problematical Battles in Mesopotamian History (стр. 337—342). Автор рассматривает четыре битвы между

Ассирией и Вавилонией. Первые две (между Ададнерари I или Эллильнерари ассирийским и Куригальзу касситским, и между Ададнерари II и Набушумукином I вавилонским) описываются в ассирийской Синхронической истории (охватывающей XV—VIII вв. до н. э.) и в вавилонской Хронике Р (вторая половина II тыс. до н. э.), но каждый из этих источников приписывает победу своему царю. Автор пытается реконструировать действительные события, причем более объективной считает Хронику Р, поскольку она отмечает не только победы, но и поражения вавилонян, в то время как ассирийский источник упоминает только победы ассирийцев. Две другие битвы — при Дёре (720 г.) и при Халулэ (691 г.) — упоминаются в Вавилонской хронике и в ассирийских анналах. Известие Саргона II о победе при Дёре автор считает ненадежным, так как оно противоречит не только сообщению Вавилонской хроники о победе эламо-вавилонской коалиции, но и надписям вавилонско-халдейского царя Мардукаплиддина II (Меродах-Баладана); в самих надписях Саргона просят возмездия за ковенные признания его неудачи. В анналах Синаххериба содержится подробное и красочное описание его победы при Халулэ, но Вавилонская хроника говорит о его поражении; последнее известие, исходя из дальнейшего хода развития борьбы между Ассирией и эламо-вавилонской коалицией, представляется автору более достоверным⁵. Статья А. К. Грейсона показывает возможность установить подлинные факты при внимательном анализе противоречивых данных нарративных источников. — С. К.

I. M. Diakonoff, A Babylonian Political Pamphlet from about 700 B. C. (стр. 343—349). Статья посвящена известному тексту «Поучения царю» (табличка Британского музея DT 1), начиная с 1907 г. многократно переиздававшегося и комментировавшегося. На основании лексикологического и исторического анализа (датировка первого появления употребленных технических терминов в других текстах, сопоставление с известными из других источников историческими событиями) автор определяет, что текст адресован ассирийскому царю Синаххерибу или его сыну Ашшур-надиншуму, составлен около 700 г. до н. э., и что события, иллюстрирующие поучение, взяты из царствований Сал-

манасара V и Мардукаплиддина II. Памятник представляет собой важнейший источник для изучения взаимоотношения царской власти с привилегированными городами на грани VIII—VII вв. до н. э. и для предстории возникновения эллинистических полисов в державе Селевкидов⁶. — В. Я.

H. Tadmor, The Inscriptions of Nabunaid: Historical Arrangement (стр. 351—363). Следуя предложенной юбилеем классификации надписей Набонида, автор предлагает относительную датировку важнейших из них. Отличный анализ текстов дается с определением степени их исторической ценности как для датировок, так и для освещения действительных событий и отражения их в надписях в зависимости от политического момента. По степени достоверности автор ставит на первое место найденные при раскопках храма в самом Харране в 1958 г. две стелы — одна из них составлена от имени самого Набонида, другая, менее надежная, — от имени его матери, Ададгуни. Судя по первой из них, в начале своего царствования Набонид посорился с вавилонянами и ушел в аравийскую пустыню, в Тейму, на 10 лет; только после его возвращения в Вавилон, в 13 году царствования был восстановлен Эхухул — харранский храм, посвященный Сипу, богу Луны. Противоречие этим сведениям тексты надписи Наб. № 8 и сиппарского цилиндра, подробно рассмотренного в первом разделе, автор чрезвычайно убедительно анализирует стилистически и, сопоставляя с кругом астрологических представлений вавилонян, приходит к выводу, что обе они не содержат точных указаний на датировку, а дают лишь представление о начале нового лунного цикла, который рассматривался и в других текстах как важнейшее благоприятное предзнаменование в царствовании Набонида. Надпись Ададгуни, которая умерла в то время, когда Набонид еще находился в Тейме, стилистически примыкает к двум последним текстам, также не являясь строго датирующей.

Все надписи Набонида автор делит на две группы. Первая (А) составлена до возвращения в Вавилон — начиная от 1—4 годов (до Теймы), кончая 13 годом (Наб. № 8 — апология Мардука; № 18 — назначение жрицы Сина в Уре, с датой затмения Луны, по Х. Леви 554 г.; № 3 — для храма Шамаша в Ларсе; №№ 2, 6, 19 — для храма Шамаша в Сиппаре, составная надпись Наб. № 4 и Наб. № 7 — об изготовлении короны Шамаша). В этой группе только текст № 18 содержит славословие Сипу, что вполне уместно в надписи, связанной с культом этого бога, но и здесь Сип еще не на-

⁵ Можно отметить, что именно так трактовались эти битвы уже И. М. Дьяконовым («Всемирная история», I, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 551); ср. также его мнение относительно битвы при Каркаре между Салманасаром III Ассирийским и Сирийской коалицией (там же, стр. 535; РЗОА, стр. 83).

⁶ Ранний вариант этой статьи опубликован в ВДИ, 1946, № 4.

зван царем богов, как в харранских стелах. Тексты Наб. №№ 17, 20, 21, 24 и 26 также составлены до переворота в религиозной жизни Вавилонии, произошедшего после возвращения царя из Теймы. Вторая группа (Б), начиная с харранских стел, уже содержит прославления Сина, как верховного божества, обитающего в бывших храмах Мардука, — Эсагиле и Эзиде (Наб. № 5). К этой группе автор относит и текст Наб. № 16, пытаясь также отождествить источник текстов группы Б.

Автор делает вывод, что отношение Набонида к культу Сина не менялось, но до возвращения из Теймы он не мог добиться выдвижения этого культа на первое место в Вавилонии. Причина пребывания Набонида в Тейме остается неясной. — Н. Я.

A. M a l a m a t, Campaigns to the Mediterranean by Iahdunlim and others Early Mesopotamian Rulers (стр. 365—373). Рассматривается история проникновения к Средиземному морю месопотамских царей начиная с Саргона Аккадского (XXIV—XXIII вв. до н. э.), затем даются сведения о рейде Яхдун-Лима, царя Мари, и ШамшиАдада I, царя Ассирии, и затрагивается легенда об экспедиции Гильгамеша на Ливан. Первая часть статьи, так же как и третья, носит литературоведческий характер, и собственно историческое исследование относится только к текстам начала II тыс. до н. э. Сам автор полагает, что описываемые им походы Саргона Древнего представляют собой действительные исторические события. Однако данные хеттских источников, с нашей точки зрения, могут восходить к сведениям об исторических событиях времени торговых поселений в Малой Азии при Саргоне I Ассирийском, который лишь хеттами был отождествлен с Саргоном Аккадским, правившим на пять столетий раньше своего тезки; описание же империи Саргона, составленное в VIII—VII вв. до н. э., по нашему мнению, вообще не может рассматриваться как надежная информация.

Интересен анализ походов Яхдун-Лима и ШамшиАдада I. Поход первого рассматривается как эфемерный эпизод, свидетельствующий о слабом знании географии Средиземноморья при хорошем знании сортов леса, растущего на Ливане и Авти-Ливане (что объясняется династийными и торговыми связями Мари с Сирией). Напротив, ассирийцы уже при ШамшиАдаде I действительно знали район Средиземноморья. Попутно уточняется южная граница государства Тира. — Н. Я.

M. B. R o w t o n, The Topological Factor in the *ḫapiru* Problem (стр. 375—387). Автор с совершенно новой стороны освещает проблему *ḫapiru* (*ḫabiru*), в которых ранее видели (а некоторые и те-

перь видят) кочевые предков евреев. Еще в 1930 г. («Kleinasiatische Forschungen», I, стр. 323 сл.) Б. Ландсбергер высказал положение о том, что *ḫapirū* было не этническим, а социальным обозначением: это несомненно разноплеменные беглецы и изгой, покинувшие свою общину. В связи с затянувшейся дискуссией по этому вопросу весь материал источников о *ḫapiru* был в 1953 г. подробно рассмотрен коллективом международной сессии ассириологов; в итоге была выработана дефиниция этого термина, соответствующая теории Ландсбергера⁷. И тем не менее излюбленные предрассудки медленно умирают в науке, дискуссия продолжается и по сей день, а теория *ḫapirū*-племени или народа все еще находит сторонников. В частности, критики теории Ландсбергера, например, Шмёкель, указывают, что поскольку имелись особые «территории *ḫapiru*» (*eqel ḫapiri*), постольку *ḫapiru* непременно должны были быть народом. По имеющимся данным из клинописных архивов Нузы, Алалаха, Угарита, Ахет-Атона (Амарны), Хаттусы (Богазкёя) и Амкувы (Алишара) речь идет о компактных группах свободных людей различного этнического происхождения. Они вместе со своими семьями обитали в районах, часто не контролируемых государством, но время от времени появлялись на территории различных царств Ближнего Востока, где им отводили особые районы для поселения (Малая Азия, Сирия; отсюда они вели военные действия, то под руководством того или иного государства, то на свой риск и страх) или брали их в качестве работников в частные хозяйства (Нуза). Исследуя вопрос с точки зрения исторической экологии и топонимии, М. Б. Роутон показывает, что территории *ḫapirū* должны рассматриваться для II тыс. до н. э. как горные районы лесов и маки, с трудом доступные вооруженному контролю держав того времени, однако позволявшие обеспечивать существование воинственных жителей с помощью горного скотоводства, пчеловодства и т. п. (не говоря о разбое). Сами *ḫapirū* не должны рассматриваться как чужеземцы — по большей части это были люди, вынужденные обстоятельствами⁸ уйти из родных поселений и городов-государств в ближние леса и заросли, где они образовывали военные отряды или разбойничьи шайки; такое их происхождение объясняет, почему в эпоху Амарны отряды *ḫapirū* часто активнее горожан выступали против иноземных

⁷ J. B. V o t t é r o (ред.), Le problème des *ḫabiru* («Cahiers de la Société Asiatique», XII), P., 1954.

⁸ В основном в результате интенсивного развития ростовщичества и разорения общинного крестьянства повсюду в Передней Азии с начала II тыс. до н. э.

завоевателей (из-за которых, быть может, они нередко и были вынуждены бежать в горы). Наряду с *ḥarīrū*, образывавшими отряды, были и одиночные бродяги-*ḥarīrū*, шедшие в наемные воины, а также в наемные и кабальные работники. Благодаря работе Роутона спор относительно *ḥarīrū*, как нам кажется, переходит на реальную почву конкретного изучения условий жизни этой группы людей. Возможно, наглядные результаты этой работы окажутся более убедительными, чем логические построения и доказательства предшествующих исследований. — И. Д., Н. Я.

[E. A. Speiser], *Pātil* and Congeners: A Sampling of Apotropaic Symbols (стр. 389—393). Статья посвящена сопоставлению аккадских апотропеев и терминов для них (*pātil* «заступник, охраняющий спереди», апотропей на лбу; *talim*, *ālik idi*, «спутник, близкий друг», апотропей на руках; розетка на головной повязке; *sissiktu*, *kannu* (не *qannul*) «бахрома одежды»; (*iš*)(*pallurtu* «знак креста») с древнееврейскими (*tōtāpōt*, *zikkāgōn*, араб. *təpillin* «филактерий»; *ʾōt ʿal-ḏad* «знак на руке»; *məzūzā* «символ на косяке двери» < акк. *uzuzzu* «стоять»; *šiš* «розетка на головной повязке»; *šišit*, *gəḏilim* «бахрома»); у апотропейский знак креста. — И. Д.

M. Held, *Studies in Comparative Semitic Lexicography* (стр. 395—406). Статья посвящена шумеро-аккадским параллелям к некоторым древнееврейским терминам. Др.евр. *hārē ḏōnīm* — шум. *ŠĒ.TU.MUŠEN*^{MES} = акк. *zē summāti* «помёт голубей», а также = шум. *GIS.Ū.GIR* = акк. *ašāgu* «растение Proserpiniana» (ср. NUMUN.GIS.Ū.GIR = *zēr ašāgi* = *ḥarūbu*), не *Serapia siliqua* L., как думал Р. Кэмбелл Томсон; это — еда бедняков и животных, ср. HRB (= *hārūb*) TKLW в Is. I, 19—20. Др.евр. (Deut., 28, 38) и араб. *hsl* = ханаан. *ḥa-si-lu* в Амарне = акк. *gamāru* «кончать, губить», откуда др.евр. HSYL не «таракан», а «саранча» (угар. *ʾirby-ḥsn*), др.евр. *kāsāl* (в противоположность данному словаря Кёлера) — «жила, (внутренняя) крепость, уверенность» = угар. *ksl* = акк. *kaslu* (синонимы: *širʾānū*, *gidu*, *pitnu*, *matnu*) = шум. *sa*. Попутно рассматриваются: др.евр. MTNYM «мускулы спины и челсея»; ханаан. **suʿr*, угар. *z.r*, араб. *zahr*, акк. *šēru* «спина»; акк. *šasallu* < шум. *sa-šal* «спинная жила»; акк. *bāntu*, шум. *sa-ti* «реберная жила, ребро; холм», ханаан. *bāntu* «утроба» (?), угар. *bmt* «талая» (?). — И. Д.

J. A. R. O., *Parallels to the Akkadian Stative in the West Semitic Languages* (стр. 407—411). До сих пор аккадский статив обычно сравнивали только с западносемитским перфектом. Автор привлекает для сравнения также некоторые

формы отглагольных прилагательных в арамейском, древнееврейском и эфиопском (*qaṭil*, *qaṭul*; *qaṭūl*, *qaṭīl*). Эти образования нередко совпадают с аккадским стативом не только по форме, но (особенно в арамейском)⁹ и по значению, хотя в отличие от аккадского «отглагольного прилагательного» (=статива) они не изменяются по лицам. Возможность влияния аккадского языка, допустимая для арамейского, исключается для эфиопского, поэтому Ю. Аро считает, что мы имеем здесь дело с общесемитским средством для выражения неизменного состояния, как и в аккадском стативе; но в западносемитских языках предикативная форма статива уже очень рано превратилась в перфект, выражающий завершённое действие; однако неспрягаемая форма «отглагольного прилагательного» сохранила первоначальное значение. Наблюдение Ю. Аро имеет очень большое значение для правильного понимания генезиса семитской глагольной системы. — Г. К.

J. J. Stamm, *Hebräische Ersatznamen* (стр. 413—424). Статья посвящена именам собственным, которые в семитских языках представляют собой, как известно, целые благопожелательные предложения и поэтому могут дать очень интересные сведения о нравах и верованиях; в частности, в статье разбираются имена, в которых отражено представление о том, что носитель имени является новым воплощением умершего члена семьи. При этом благопожелательная формула имени может как бы вкладываться в уста самого носителя имени (др.евр. *ʾēlijā(hū)* «мой бог — Яхве») или в уста его родителя (др.евр. *ʾāliāšīb* «бог вернул умершего ранее ребенка») и т. п. Глагольные формы префиксального спряжения, по мнению автора, сохраняют в ветхозаветных именах древнее значение прошедшего времени; лишь в эпоху Израильского и Иудейского царств в связи с появлением перфектных имен префиксальные глагольные формы в собственных именах начинают восприниматься как юссив. Автор дает классификацию имен собственных, но, к сожалению, критерии классификации неоднородны и поэтому она проведена недостаточно четко. Специальный раздел посвящен отражению родственных связей в именах. Рассмотрены также сходства и различия в типах древнееврейской и аккадской ономастики. — И. Ш.

J. Friedrich, *Zur Stellung des Jaʿudischen in der Nordwestsemitischen Sprachgeschichte* (стр. 425—429). Историко-лингвистический обзор двух надписей с городища Зенджирли (обращения Панаммү I к богу Хададу и Панаммү II к богу Вар-Ракибу), принадле-

⁹ Ср., однако, уже в работе: A. Goetze, *The Tenses of Ugaritic*, JAOS, 58, 1938, 2, стр. 268—285, для угаритского.

жащих к особому северо-западному семитскому языку — я'удийскому. Основные черты: 1) множественное число м. р. им. п. -ū, косв. п. -ī; 2) доказанное отсутствие артикля, 3) переход $\underline{d} > q$, как в арамейском; 4) указательные местоимения по арамейскому типу, но местоимение 1 л. ед. ч. NK(Y) — как в ханаанейских; 5) в имени ж. р. окончание ед. ч. -H, как в древнееврейском и арамейском (в финикийском -T), мн. ч. -T как в древнееврейском и финикийском (в арамейском — -an); 6) формы перфекта и пассивного причастия — как в арамейском, но имперфект 2 и 3 л. мн. ч. м. р. на -ū, как в ханаанейских, а не на -ūn, как в арамейском; инфинитив — KL , как в ханаанейских, а не $\text{M}^{\text{K}}\text{L}$, как в арамейском; 7) союз P' (известен еще только из угаритского и арабского); 8) ряд слов, не свойственных арамейскому, но свойственных ханаанейским диалектам (подобно тому как обратное явление наблюдается в таком ханаанейском диалекте, как библский диалект финикийского). На основании изложенного выше И. Фридрих рассматривает я'удийский как особый северо-западный семитский язык, занимающий между арамейскими и ханаанейскими говорами промежуточное положение. С этим заключением можно согласиться; однако, по мнению рецензента, мн. число м. р. следует реконструировать как * $\text{-a}u$, * $\text{-a}i$ (или, с монофтонгизацией, * $\text{-}o$, * $\text{-}e$); тогда легче объяснить и графику, и параллельную арамейскую форму с артиклем $\text{-a}i\ddot{a}$ <* $\text{-a}i\text{-}h\ddot{a}$; аналогии этим формам следует искать в южнопериферийных семитских языках и в древнеегипетском; во всяком случае нельзя не признать вместе с И. Фридрихом, что эти формы глубоко архаичны. — *И. Д.*

H. S. Schuster, *Der Relativsatz im Phönizischen und Punischen* (стр. 431—448). Статья посвящена спорному вопросу об особенностях определительных придаточных предложений в финикийско-пуническом языке. Тщательно разобраны и классифицированы все известные по эпиграфическим памятникам предложения, вводимые союзами š , š и указательным Z, а также определительные предложения, где, по мнению автора, детерминирующим элементом является артикли. По мнению Шустера, еще в X в. до н. э. артикли как таковой в финикийском не существовал и использовался лишь для дополнительной детерминации имени в st. absolutus в сочетании с самостоятельным указательным местоимением, а также в сочетании с KL «все». Но и после возникновения артикля имя в генитиве в определительной конструкции артикля не имеет. — *И. Ш.*

* * *

Статья Эмина Билгича «Три таблички из цитадели (city mound) Кюль-тепе»,

случайно не попавшая в рецензируемый том, посвященный юбилею Бенно Ландсбергера, хотя и предназначенная для него, напечатана в VIII томе журнала «Anatolia» (1965, стр. 145—163 и таблицы I—III, продолжение комментария в IX томе). Она заслуживает упоминания рядом с работами К. Балкана и Л. Матоуша, построенными на текстах, происходящих также из Кюль-тепе, но не из раскопок главного холма, а из находок в пригороде Каниша. Дело в том, что до сих пор не решен вопрос о принадлежности торговой организации пригорода, который первоначально считался самостоятельным поселением ассирийских купцов, а позже — частью поселения на главном холме (которое бесспорно является местным административным центром, не ассирийским). Если до издания клинописных текстов главного холма считалось, что клинописью пользовались только иноземные купцы пригорода, а местные малоазиатские государственные центры освоили этот род письменности только несколько веков спустя (и в том виде, как она бытовала не в Ассирии, а в северосирийских областях), то тексты, публикуемые Э. Билгичем в рассматриваемой статье и в предшествующей ей статье К. Балкана («Letter of King Anumhirbi of Mama to King Warshama of Kanish», «TTK Yayınları», VII, № 31^a, Ankara, 1957) являются наглядным опровержением этой идеи. По всей видимости, смена почерка и системы передачи аккадского языка, на известную из богазкёйских архивов являлась не более как этапом развития в освоении письменности, восприимчивой первоначально местными государствами непосредственно от иноземного купечества, состоявшего не только из ассирийцев, но и амореев (Северная Сирия). Заметная роль амореев в деятельности центральной организации купцов, находившейся в Канише, как правило, не акцентируется в исследованиях, посвященных канишскому материалу, так же как и равенство ассирийских и аморейских купцов с хеттскими торговцами, тоже пришедшими в Канише (см. ст. Л. Матоуша). Между тем их роль, освещенная Ю. Леви («Amurritica», *HUCA*, 32, 1961, стр. 31—74), позволяет объяснить влияние северосирийского импорта (очевидное в археологии Каниша) и связь северосирийских традиций развития клинописи с хеттской.

Клинописные тексты, найденные в цитадели Каниша (Кюль-тепе), снимают полностью представление об этом городе, как о бесписьменном местном центре, который был придатком ассирийской торговой колонии (до сих пор по традиции бытующее даже среди турецких ученых), свидетельствуя в пользу постепенно формирующейся среди ассириологов идеи органического единства города (ālum) Каниша, центр которого был рас-

положен на главном холме, и его торгового предместья, возникшего как квартал иноземных купцов, субсидировавших местную торговую общину (*kaḡum*). Характер публикуемых Э. Билгичем текстов не оставляет сомнения в том, что местное правительство имело своих писцов, владевших клинописью, так же как имели своих писцов купцы из областей северного торгового пути: Месопотамии, Сирии, а также хеттские, которые пользовались тем же самым видом письменности на староассирийском диалекте. Один из документов представляет купчую на раба, приобретенного за шесть сиклей серебра — цену непомерно низкую для этого периода; выполнение условий сделки гарантировано 30 сиклями серебра — суммой, представляющей обычную цену раба. Последнее наводит на мысль о специфических условиях составления документа, по всей видимости, принудительного. Э. Билгич опубликовал также два перечня местных граждан, в первом перечне даны приписанные (*aštarerum*) к дому верховного судьи Каниша (см. Г. Г. Гиоргадзе, *Rabi simmiltim* «каппадокийских» табличек, ВДИ, 1966, № 4, стр. 81 сл.) — их всего 40 человек; среди них названы поименно восемь человек начальника складов цитадели, поименно главы трех округов, названных по именам собственным разных лиц (один — тезка царя Варшамы); плотник одного из городов, также названный по имени; посол Куланала, и с ним трое глав, имена которых не названы, — двое в одном поселении, третий со своей матерью в другом — по именам; далее сле-

дуют также без упоминания имен шесть глав одного поселения и 12 глав другого (также безымянных) и два безымянных канишских кузнеца. Присутствие в списке начальников областей и посла делает маловероятным, как нам кажется, предположение автора о том, что в нем перечислены работники главного администратора Каниша, подсчитанные по головам; скорее в нем речь идет о главах администрации местного самоуправления (которые в текстах, как правило, безымянные) и о должностных лицах фиска, перечисленных поименно. Второй список по структуре подобен первому (начало и конец текста разрушены), в нем также перечислены главы и представители разных лиц и поселений, в том числе старшины пастухов. Автор дает в комментарии к каждому тексту этимологию некоторых имен, частью впервые встречающихся, частью уже известных, среди них только одно иноземное, хурритское имя, остальные — анатолийские. В общем комментарии приведены данные о географических названиях. Небольшой экскурс, посвященный сведениям относительно *šuhāyū* «отроков», упоминающихся при имени их хозяина, Кикаршена, в качестве находящихся в Канише, — показывает, что в Канише это не рабы. Раздел с содержит отдельные слова и профессиональные термины. — Н. Я.

В. К. Афанасьева, И. М. Дьяконов, И. Т. Канева, Г. Х. Каплан, С. М. Кашкай, И. Ш. Шифман, В. А. Якобсон, Н. Б. Янковская

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ШУМЕРСКОМУ И АККАДСКОМУ ГЛАГОЛУ

В сборнике статей в честь Б. Ландсбергера¹ опубликованы две статьи, посвященные принципиальным вопросам шумерского и аккадского языков, в которых выдвигаются весьма спорные гипотезы. Поэтому эти статьи заслуживают специального критического разбора.

Статья Торкильда Якобсена² посвящена наиболее темной части шумерской грамматики — глаголу. Автор ставит своей целью определить структуру шумерской глагольной формы,

установить принцип образования грамматических формантов, определить их значение и место в глагольной форме.

Показатели, стоящие перед корнем, Якобсен делит на префиксы, инфиксы и инфиксы (обычно в шумерологии первые две группы показателей называются префиксами наклонений и префиксами «спрягаемой формы», а все остальные — инфиксами; правильное же их все считать префиксами различных разрядов). Показатели, находящиеся после корня, Якобсен подразделяет на суффиксы основы, «суффиксы в более узком смысле» и постфиксы (правильнее и здесь было бы говорить о разных разрядах суффиксов). Основной принцип классификации: два показателя, которые не могут находиться одновременно в одной и той же глагольной форме, относятся к одному и то-

¹ «Studies in Honor of Benno Landsberger on his Seventy-fifth Birthday, April 21, 1965» («Assyriological Studies», № 16), Chicago, 1965.

² Th. Jacobsen, *About the Sumerian Verb*, стр. 71—101.

му же грамматическому разряду (позиции).

Далее Якобсен приступает к разбору каждого разряда показателей в отдельности. В разряде профиксов автор устанавливает ранее неизвестный показатель *niš-*; рассматривает как самостоятельные показатели *li/a-* и *de/a/u-*, исключает из числа профиксов показатели *inga-* и *ù-*. Существование показателя *niš-* остается сомнительным, так как автор приводит только один пример; недоказанным представляется существование показателей *li/a-* и *de-*; прежнее толкование их как фонетического варианта *ni-* и как «эмсальной» (женской) формы префикса *ù-* кажется нам неопровергнутым. Интересен подход Якобсена к установлению значения «профиксов»: он исходит из двух определяющих моментов — воли говорящего к реализации события и степени реальности события.

По мнению Якобсена, префиксы, инфиксы и «суффиксы в более узком смысле» имеют одинаковое строение — они состоят из комбинации местоименного и пространственного (надежного) показателя, а некоторые еще и именного (т. е. показателя, восходящего к самостоятельному имени на предшествующем этапе развития). Как известно, шумерологи школы А. Пибеля и А. Фалькенштейна считают, что подобную структуру (местоименный + пространственный показатель) имеют только пространственные префиксы («инфиксы» по Якобсену).

Все «префиксы» Якобсен делит на группу определяющих время действия и на группу определяющих место действия. Обе группы в свою очередь делятся на подгруппы, первая — на подгруппу профиксов, выражающих степень длительности действия (*a-*, *i/e-*, *u-*), и на подгруппу префиксов, выражающих отношение данного действия к другому (*nga-*, *mga-*, *ù/a/i-*). Вторая группа делится на подгруппу профиксов, передающих, по терминологии Якобсена, *aspect of proximity*³ (*m-*, *l-*, *n-*), и подгруппу префиксов, выражающих *aspect of regional contact* (*mi-*, *ma-*, *ba-*, *mi-*, *bi-*). Рассмотрим подробнее каждую подгруппу.

Префиксы *u-*, *a-*, *i/e-*⁴, согласно Якобсену, имеют следующее значение: *u-* — действие происходит в ограниченный отрезок времени, *a-* — действие представляет собой длительный процесс, *i/e-* — действие длится в течение небольшого промежутка времени. Значение префиксов *a-* и *i/e-* Якобсен выводит из аккад-

³ Об этом подробнее ниже.

⁴ Эти префиксы, по Якобсену, имеют следующую структуру: местоименный элемент (нуль) и пространственные показатели: иллатива *-a-* (вхождение внутрь), аллатива — *-i/e-* («внешнее плотное прилегание») и тангентива *-u-*.

ских переводов шумерских глагольных форм в MSL, IV, где формы с *a-* переводятся стативом (состояние, длительный процесс), а формы с *i-* — претеритом (мгновенное действие). Однако в том же томе MSL есть формы с *a-* и с *i-*, переводимые совершенно одинаково. Противопоставление форм с префиксом *a-* формам с префиксом *i-* едва ли можно обнаружить и в самих шумерских текстах; формы с *a-* весьма редки, и большинство шумерологов, как известно, вообще не признает *a-* за самостоятельный префикс. А. Пибель регистрирует его только в текстах из Шурушпака II раннединастического периода⁵ и в «послешумерских» текстах, Э. Солльберже находит его и в текстах из досаргоновского Лагаша, где он, по его мнению, придает глагольной форме вневременной характер. В новошумерском префикс *a-*, видимо, был неупотребителен. Что касается префикса *u-*, то его и сам Якобсен обнаруживает только в некоторых формах императива типа *gál-lu* «открой!» (как известно, в императиве все префиксы становятся суффиксами). Поэтому нам кажется, что материал пока недостаточен для выделения самостоятельных префиксов *u-* и *a-* наряду с *i/e-*. См. также ниже о показателе *ni-*.

Префиксы *nga-*, *mga-*, *ù/a/i-*⁶. Среди шумерологов нет единодушия по вопросу о классификации показателя *i(n)ga-* (нерасчлененный показатель наклонения *i(n)ga-* или же пространственный префикс *-n + ga-*, которому предшествует префикс спрягаемой формы *i-*?). Разногласия объясняются тем, что в начале этот показатель встречается как в начале глагольной формы, так и после префикса наклонения («профикса») или после префикса спрягаемой формы («префикса»). Якобсен, очевидно, прав, включая префикс *nga-* из числа префиксов наклонений. Однако, если исходить из значения *nga-* как показателя совместного действия (или, по Якобсену, «общей связи» двух действий)⁷, то кажется маловероятным отнести его и к префиксам спрягаемой формы (об их значении см. ниже).

⁵ Видимо, как местное диалектное соответствие префиксу *e-* лагашского диалекта?

⁶ Префиксы *nga-* и *mga-* состоят, по Якобсену, из местоименного показателя *-n-* (и *-m-*), именного элемента *-g-* и пространственного (иллативного) показателя *-a-*; префикс *ù/a/i-*, соответственно, из нулевого местоименного и из пространственного показателя. Но такая структура этих префиксов трудно доказуема.

⁷ Некоторые шумерологи приписывают этому показателю еще и подтвердительное значение («воистину»).